

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/15617793/483/26

Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология

Валерия Андреевна Гончарова¹, Вячеслав Васильевич Иванов^{2,3},
Татьяна Владимировна Трубникова⁴, Алексей Юрьевич Чурилов⁵

^{1,2,4,5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

¹ valeria.goncharova.93@bk.ru

^{2,3} ivanov_sl@rambler.ru

⁴ trubn@mail.ru

⁵ lefikantor@yandex.ru

Аннотация. Исследования проблем правоприменения в уголовном процессе показывают, что правоприменители различным образом, иногда искаженно, толкуют действующие правовые нормы, злоупотребляя своими процессуальными полномочиями. Причиной этому может быть наличие в сознании правоприменителей неких историй (нарративов), определяющих их поведение. В статье обосновывается необходимость и возможность использования нарративных методов в изучении правоприменения и использования нарративного подхода при интерпретации результатов исследований правоприменительной практики, формулируются основы применения нарративных методов в проведении правовых исследований.

Ключевые слова: пределы, формы и гарантии защиты частных интересов средствами уголовного права и уголовного процесса, нарративные методы в правовых исследованиях

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Гончарова В.А., Иванов В.В., Трубникова Т.В., Чурилов А.Ю. Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 240–252. doi: 10.17223/15617793/483/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/26

A narrative approach in legal research: Purpose and methodology

Valeria A. Goncharova¹, Viacheslav V. Ivanov^{2,3},
Tatiana V. Trubnikova⁴, Aleksei Yu. Churilov⁵

^{1,2,4,5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Samara National Research University, Samara, Russian Federation

¹ valeria.goncharova.93@bk.ru

^{2,3} ivanov_sl@rambler.ru

⁴ trubn@mail.ru

⁵ lefikantor@yandex.ru

Abstract. A study of practice shows that law enforcers in Russia do not always follow the so-called “spirit of the law”, often giving priority just to its formal interpretations. In order to understand why this happens, it is necessary to examine the narrative stories behind such enforcement practices. Narratives can not only explain the existing law enforcement, but also create a new law enforcement practice and legal reasoning. Thus, narrative research is a useful tool for studying both lawmaking process and law enforcement practices. The aim of the study is to assess the impact of narratives on lawmaking process and law enforcement practices, as well as the development of the basics of the methodology for using narratives in legal research. The study used hermeneutic methods, as well as analysis of the results of empirical studies of law enforcement practices, comparative legal research, which together made it possible to propose goals, objectives, sources for obtaining narrative stories and data processing methods for conducting law enforcement research carried out using a narrative approach and narrative methods. The study resulted in the following. (1) Two functions of narrative methods and approaches in legal research have been identified: (i) cognitive (heuristic), which can be used to identify narratives that determine law enforcement, to explore them in order to understand how they are formed and how they can influence the legal reality, law enforcement practices, legal reasoning and lawmaking; (ii) prognostic-and-transformative, which makes it possible to identify the necessity for reforming

legal regulations and to offer structural, organizational, legal means designed to eliminate the identified problems of law enforcement. (2) A classification of narratives has been invented. It includes four groups of narratives depending on the coverage: personal, professional, regional, national, international. (3) The possibility of using the following linguistic and special-legal methods has been proved: (a) a structural and linguistic study of narrative stories. The study of plot repetitions, of the word's usage, etc.; (b) a study of words (and their omissions) in official documents; (c) a focused research of narrative stories in regions where practices that are not in accordance with the law are repeated; (d) identification of the relationship between the collected number of narrative stories and the results of statistical processing of the studied empirical materials; (e) analysis of the correlation of narrative stories and legislation, data on the organization of judicial activities.

Keywords: limits, forms and guarantees for protection of private interests by means of criminal law and criminal process, narrative methods in legal research

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Goncharova, V.A., Ivanov, V.V., Trubnikova, T.V. & Churilov, A.Yu. (2022) A narrative approach in legal research: Purpose and methodology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 240–252. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/26

Постановка проблемы

В 2005 г. на заседании по развитию компании Ford Motor известный социолог и консультант Питер Друкер произнес фразу, ставшую крылатой: «Культура съедает стратегию на завтрак» (Culture eats strategy for breakfast). Один из авторов данной статьи регулярно вспоминает эту фразу, когда, изучая материалы уголовного дела, в очередной раз сталкивается с тем, что правоприменители категорически «не желают» применять какие-либо уголовно-процессуальные нормы либо раз за разом искажают при их применении действительное их содержание, в том числе выявленное Конституционным Судом РФ [1–4].

В качестве «показательного примера» рассмотрим опыт применения (или, скорее, последовательного отказа от применения) судами норм УПК РФ, касающихся участия в деле специалиста.

Принципы состязательности и равенства сторон судебного разбирательства требуют, чтобы каждая сторона имела возможность предоставить суду свои аргументы и подтверждающие их доказательства. Эти принципы нарушаются, если экспертные заключения, представленные стороной обвинения в суд, были получены без какого-либо участия стороны защиты: в условиях, когда защита не могла сформулировать вопросы для экспертов, оспорить заключения экспертов или предложить «своих» экспертов для их включения в группу, а впоследствии не получила возможность представить заключения «своих экспертов».

Еще в период действия УПК РСФСР сторона защиты получала «консультативные мнения специалиста» и пыталась добиться приобщения их к материалам уголовного дела, чтобы поставить под сомнение заключение экспертизы, произведенной стороной обвинения. Одни суды на основании консультативных мнений специалистов назначали повторные экспертизы, другие вообще не упоминали консультативного мнения специалиста в приговоре [5].

В первоначальной редакции УПК РФ в перечне источников доказательств не было такого доказательства, как «заключение специалиста». Законодатель полагал, что комплекса прав участников, имеющих у них при назначении и производстве экспертизы

(ст. 198 УПК РФ), будет достаточно для обеспечения учета следователем их позиции по делу. Однако на практике следователи стали знакомить участников с постановлением о назначении экспертизы одновременно с готовым заключением эксперта. Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал жалобы на такие ситуации (Определения Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О, № 258-О, № 259-О, № 260-О, № 261-О; от 17 февраля 2015 г. № 408-О; от 23 апреля 2015 г. № 843-О, № 972-О и др.). При этом он последовательно указывал, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать права, закрепленные ст. 198 УПК Российской Федерации, связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равенства сторон, и что соответствующее требование ч. 3 ст. 195 данного Кодекса распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях. Аналогичную позицию отразил и Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 своего Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которому «подозреваемый, обвиняемый и их защитники, равно как и потерпевший, должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства». Однако это не оказало влияния на правоприменительную деятельность [6].

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, согласно которым заключение и показания специалиста включались в число доказательств по делу. Кроме того, в УПК РФ появилось определение заключения специалиста – это «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Для адвокатов было очевидно, что это новое доказательство – альтернатива заключению эксперта, которым может воспользоваться сторона защиты [7]. Однако для

«культуры правоприменения», для сложившегося восприятия правоприменителей и ученых, такое решение оказалось слишком непривычным. Ведь традиционно «специалист» в уголовном судопроизводстве рассматривался как сведущее лицо, привлекаемое *следователем или судом для содействия* в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. То есть прежде всего он являлся техником либо помощником следователя, промежуточным звеном в общении с экспертом, но не являлся альтернативой эксперту. Поэтому отнесение заключения специалиста к числу источников доказательств вызвало недоумение. Так, Ю.К. Якимович писал: «Заключение эксперта всегда носит объективный характер, поскольку оно основывается на проведенных экспертом исследованиях. При этом эксперт руководствуется научно разработанными методиками. Заключение же специалиста – это всего лишь мнение конкретного, хотя и обладающего специальными знаниями лица... Представляется, что заключение специалиста может служить лишь основанием для назначения повторной или дополнительной экспертизы» [8]. Аналогичным образом отнесся к заключению специалиста Пленум Верховного Суда РФ [9]. Он «снизил» статус заключения специалиста по сравнению с заключением эксперта, новое доказательство было рекомендовано использовать как максимум для того, чтобы понять, не возникают ли сомнения в заключении эксперта, с тем чтобы, если такие сомнения возникли, назначить повторную экспертизу.

Однако правоприменительная практика практически полностью отказалась принимать заключения специалиста, представленные стороной защиты, даже и как «второстепенное», «ущербное» доказательство. Для этого суды стали использовать нечеткость, неполную ясность формулировок законодателя. Так, суды отказывали в приобщении заключений специалиста к материалам дела, ссылаясь на то, что:

– в соответствии с ч. 2 ст. 58 УПК РФ «вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса», а эти нормы предусматривают привлечение специалиста к участию в деле, производимое следователем и судом, но не адвокатом;

– согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ заключение специалиста – это «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Поскольку специалист отвечает на вопросы только защитника, это не есть «вопросы, поставленные сторонами» (см., например, приговор Октябрьского районного суда г. Томска по делу № 1-398/2017);

– лицо, подготовившее заключение по инициативе защитника, «к следственным и судебным действиям не привлекалось» и поэтому «не может быть признано специалистом в процессе по данному делу» (приговор

Кировского районного суда г. Томска по делу № 1-17/2016).

Чтобы переломить сложившуюся практику, законодатель в 2017 г. внес в УПК РФ положения, призванные принудить следователя принимать заключения специалиста и приобщать их к материалам дела. Так, в ст. 58 была внесена ч. 2.1, в соответствии с которой «стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса». Кроме того, в соответствии с обновленной редакцией ч. 2.2. ст. 159 УПК РФ, подозреваемому, обвиняемому, защитнику «не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами». В ответ на законодательные новации судебная практика разработала новый «пакет» обоснований для отказа в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста, отказа в приобщении заключения специалиста или отказа рассматривать заключение специалиста или его показания как доказательство по делу. Например:

– «представленные адвокатом заключения получены с нарушением требований УПК РФ. Защитники не обращались к следователю с ходатайством о проведении исследований в порядке, установленном действующим УПК РФ с поручением их определенным лицам» (апелляционное определение Кемеровского областного суда по делу № 22К-3149/2013);

– «специалисты использовали для ответов на вопросы только копии документов» (приговор Колпашевского городского суда Томской области по делу № 1-32/2020);

– суть заключения специалистов сводится к их несогласию с методикой производства экспертизы со стороны обвинения, «что не входит в компетенцию специалистов» (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 24.03.2017 № 20-АПУ17-2СП), специалист дает оценку заключению эксперта (приговор Елецкого городского суда Липецкой области по делу № 1-181/2018);

– специалист не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда по делу № 1-60/2019).

И наконец: «в связи с наличием в уголовном деле экспертного заключения судом отказано в ходатайстве защитника о привлечении специалиста в связи с нецелесообразностью» (Апелляционное постановление Аларского районного суда Иркутской области по делу № 10-2/2016 от 19 июля 2016 г.) или «проведя техническое и психологическое исследования по поставленным адвокатом вопросам, *специалисты сформулировали выводы, что делать не вправе*» (приговор Советского районного суда г. Новосибирска по делу № 1-163/2019).

Выше нами представлены по одному примеру судебного решения, в которых использовано то или иное обоснование. Но эта аргументация имеет не «штучный», а распространенный характер, она повторяется по многим делам, судами разных регионов. Можно отследить формулировки и обоснования, «предпочитаемые» разными судьями одного региона или даже одного суда, но «результат» остается неизменным – заключения специалистов, представленные стороной защиты, почти никогда не рассматриваются судом как доказательство. Что же происходит? Почему суды категорически отказываются принимать данное доказательство? Почему разные судьи используют различный набор оснований для отказа? Конечно, можно сослаться на наличие у судей обвинительного уклона. Но вряд ли это обоснование способно объяснить ситуацию в целом, и тем более оно не позволяет определить, что же необходимо сделать законодателю, если он будет твердо намерен обеспечить возможность представления стороной защиты в суд заключения «своего эксперта».

Мы видим на этом примере, что правоприменители не всегда следуют «духу закона», зачастую отдавая приоритет тем или иным его формальным толкованиям в ущерб его действительному смыслу. Иногда правоприменитель буквально «манипулирует» текстом закона, подчиняя его своим невысказываемым предпочтениям. Кирилл Титаев утверждает: «Первое открытие, которое делает любой, кто сталкивается с правовой сферой в научной работе или даже в обычной жизни, – это потрясающее несовпадение между тем, что “написано в законе”, и тем, как все происходит на деле. И, особенно если столкнувшийся когда-либо изучал социальные науки, ему немедленно хочется объявить, что никакого “закона” нет, есть “традиции”, “правовая культура”, “устойчивые модели применения закона” или еще что-нибудь подобное. И только на следующем этапе, если наблюдатель не уйдет из этой сферы, плюнув в сердцах, он увидит сложнейший менюэт, который танцует вокруг того, что считается “законом”. Он увидит, что толковать закон “как попало” практически невозможно. Да, “правильные” трактовки, с точки зрения здравого смысла, ничем не отличаются от “неправильных”, но существуют некоторые невидимые постороннему правила, которые позволяют отличить в этом танце допустимые “фигуры” от недопустимых. И, соответственно, существует корпус знаний, который делает человека “юристом” и позволяет ему в конкретное время и в конкретной юрисдикции выносить “правильные” правовые суждения и критиковать других за “неправильные” [10].

И этот юридический «корпус знаний», все судоворение, да и правоприменение в целом строится на открыто формулируемых либо негласно поддерживаемых, но не артикулируемых позициях, «историях», которые правоприменитель «рассказывает» своей деятельностью и/или открыто: выступая в полемике, отражая их в мотивировке, включаемой в текст юридических документов (приговоров, жалоб и т.д.). Без анализа этих историй, не принимая их во внимание,

невозможно понять, почему правоприменитель действует тем или иным образом.

Например, по уголовному делу № 990280, расследовавшемуся четвертым Следственным Управлением СК РФ в Екатеринбурге, судом был снят арест, ранее наложенный на объект незавершенного строительства (здание рыночного комплекса с автостоянкой). Обвиняемый по этому делу находился в розыске. Тогда следователем данный объект незавершенного строительства был признан вещественным доказательством, приобщен к уголовному делу, а затем передан на ответственное хранение потерпевшему, не являющемуся его собственником. При этом следователем потерпевшему было дано официальное разъяснение, согласно которому потерпевший вправе пользоваться данным объектом, в том числе сдавать его помещения в аренду, получая от этого доходы. Уголовное дело затем было приостановлено. Собственник данного объекта – ООО «Премиум», который (уже после принятия указанного решения) достроил данный объект, решил все споры относительно него в арбитражном суде, выплатил потерпевшему суммы, установленные арбитражным судом в качестве реституции, не мог добиться ни того, чтобы этот объект был исключен из числа вещественных доказательств, ни хотя бы того, чтобы было принято решение о передаче данного объекта на его (ООО «Премиум») ответственное хранение. Очевидно, что статус вещественного доказательства был присвоен следователем данному объекту недвижимости отнюдь не для того, чтобы он был сохранен в неизменном виде до момента судебного разбирательства по делу, а, напротив, для того, чтобы предположительно имеющееся у потерпевшего право на компенсацию вреда, причиненного преступлением, было реализовано еще до принятия окончательного решения по делу и несмотря на то, что обвиняемый скрылся (Архив Конституционного Суда РФ, материалы по жалобе ООО «Премиум» (Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2017 № 213-О)). Таким образом, правоприменитель фактически злоупотребил своим процессуальным правомочием, но, скорее всего, сделал он это (в данном конкретном случае) из благих побуждений, ведомый чувством справедливости и желанием защитить интересы потерпевшего. Не принимая во внимание этой нарративной составляющей, невозможно правильно определить причины принятия следователем соответствующего решения и методы, которые позволили бы побороть его побуждения принимать для защиты потерпевшего такого рода решения, создав для такой защиты законный механизм [2].

Рассказываемые учеными и практиками истории способны не только объяснить уже сложившееся правоприменение, но и создавать новую правоприменительную и правовую реальность. Как сказала Mary Piper, «люди обращают внимание и запоминают историю, а также изменяются под их воздействием» [11].

Например, приступая к работе по проекту по изучению злоупотребления правом, мы изучили различные источники: юридическую литературу, материалы СМИ, интервьюирование правоприменителей. Это

изучение показало, что преобладает нарратив, согласно которому злоупотребление правом имеет широкое распространение в российском уголовном судопроизводстве и допускается прежде всего обвиняемыми и их защитниками. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (в абз. 2 п. 18) позволил судам не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда «отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием им этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса...». Тем самым Верховный Суд РФ создал новое правило, согласно которому суд может отказывать в удовлетворении ходатайства стороны защиты, не потому что оно необоснованно, а лишь ссылаясь на то, что он усмотрел в деятельности участника признаки «недобросовестного использования правомочий», а также осуществлять «ограничение в реализации отдельных правомочий», т.е. произвольно лишать участника принадлежащих ему прав. Между тем в ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что исходный нарратив (о частом злоупотреблении правами стороной защиты) не соответствует действительности. Так, в результате изучения 200 материалов уголовных дел, отобранных путем случайной выборки, нам удалось обнаружить только одну ситуацию, в которой имелись все признаки злоупотребления субъективным правом со стороны обвиняемого. Ситуации злоупотребления должностными лицами своими дискреционными полномочиями встречались по изученным уголовным делам в десятки раз чаще. Таким образом, нарративные истории – далеко не всегда истинны, но, даже не будучи таковыми, они могут оказаться движущей силой изменений в области создания новых правовых норм и их применения.

С учетом изложенного назрела необходимость использования в правовых исследованиях, и в частности в исследованиях правоприменения, нарративных подходов и нарративных методик. Однако на сегодняшний день в юридической науке отсутствуют разработки, позволяющие использовать упомянутые подходы и методики в правовых исследованиях. В связи с этим авторы поставили перед собой задачу определить возможные цели и функционал использования нарративных подходов и методик в правовых исследованиях, определить виды и источники получения нарративных историй для анализа, предложить перечень методов, которые могут использоваться в исследованиях правоприменения на основе нарративного подхода. Для этого проведено герменевтическое исследование, дополненное анализом российской правоприменительной практики и сравнительно-правовыми методами.

Исследование

80-е гг. XX в. ознаменованы началом «нарративного поворота» в социальных науках, лейтмотивом

которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы. Поворот к нарративам, рассказанным историям жизни, означал методологический разворот социологии к индивидуальному, уникальному: жизненной траектории конкретного человека, его индивидуальной судьбе во всем неповторимом сочетании ее поворотов и изгибов, его повседневным практикам, а также способам описания «своей истории». При этом одни авторы понимали нарратив как историю жизни конкретного человека, которая представляет собой пригодный для исследования социологический материал [12], другие – как способ организации человеком своего восприятия и осмысления внешнего и внутреннего мира, а также передачи индивидуального опыта [13, 14].

Известный английский социолог Дэвид Силвермен предложил пойти дальше и исследовать определенный фрагмент контекста социальной жизни, реконструируемой из жизненных повествований людей, используя нарративный подход, т.е. опираясь на мифы и идеологемы, функционирующие в общественном сознании на определенном витке исторической жизни общества [15]. Исследователь, использующий такой подход, делает акцент не на интерпретации содержания нарратива, но на «способах и методах, с помощью которых люди, рассказывающие “свои истории” во взаимодействии с участниками коммуникации (речь идет о нарративном интервью или о взаимодействии с виртуальными участниками коммуникации в случае письменного нарратива), «объясняют события своей жизни, придают им значения». В основании такого подхода, базирующегося на анализе «практических» семантических объяснений, лежит положение о том, что люди строят свое взаимодействие «здесь и сейчас», ориентируясь на фоновые ожидания другого участника коммуникации, стараясь быть понятыми им, интуитивно опираясь при этом на распространенные в этот период в обществе социокультурные нормы как на «решетки объяснений».

В последнее время использование понятия нарратива и нарративных методик вышло за пределы чисто социологических исследований, вторгнувшись, например, в объяснение экономических явлений, культурологию, политологию. Понятие нарратива оказывается в центре внимания как в социально-гуманитарных, так и в естественных науках. Причем «в медицине, праве, истории, историографии, антропологии и психотерапии нарративы составляют продукты научной деятельности; в философии, культурологии, теологии – скорее поглощаются и перемалываются в аналитических жерновах» [16]. Исследователи в сфере нарратологии (Ж.М. Адам, Ж. Женетт, Т. Павел, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс и др.) связывают факт значительного увеличения «нарративных» исследований с осознанием важности повествований в человеческой жизни – они сосредоточены не только в литературных текстах и повседневном языке, но и в научном дискурсе: практики композиции и репрезентации исследуются в «музыкологии» (Э. Ньюком),

художественной критике (У. Стайнер) и киноведении (К. Метц); способы достижения различными видами власти собственной легитимации через нарративы – в культурологии (Ф. Джеймисон); нарратологические объяснительные схемы используются в психологии для изучения памяти и понимания (Н. Стайн, К. Гленн); в философии и социологии науки изучение условностей повествования привлекается для обоснования риторической природы научных текстов (Р. Рорти, Э. Гросс) [17].

Пионерные работы современной экономической науки Р. Шиллера, Дж. Акерлофа и Д. Сноуера привлекли значительное внимание к вопросам исследования влияния нарративов на экономические процессы [18]. Нарративы, или повествования, по Шиллеру, представляют собой захватывающие, вирусные истории, которые впечатляют людей и поэтому способны влиять на их экономические решения. Идентификация доминирующих нарративов позволяет лучше понять, какие институты и какое влияние оказывают на экономические процессы [19].

В литературе выделяются, как правило, следующие методологические особенности нарративных исследований [20]:

а) исследователь имеет дело с текстом (рассказанной историей), а не с реальной жизнью;

б) существует проблема идентичности «Я» рассказчика нарратива – в различных ситуациях фиксируются разные характеристики рассказчика;

в) разрыв между историей и жизнью, невозможность получения полностью объективной информации, исходящей от человека. Очевидно, что ни один нарратив не может быть полностью объективным, поскольку он исходит от человека, представляет собой его интерпретацию произошедших событий. Как справедливо отмечают исследователи, рассказчик может на ходу придумывать новую информацию или замалчивать отдельные нелицеприятные факты [21]. Поэтому сложно утверждать, что целью нарративных исследований является установление истинной картины событий – целью является, как отмечают зарубежные авторы-медики, изучение способов восприятия данных событий отдельными лицами (сообществами) [22]. Следовательно, приравнивание личных историй к истине при проведении исследований недопустимо.

Что можно исследовать с помощью нарративов?

Изначально исследование нарративов уделяло большое внимание их структуре (т.е. повествованию как объекту). Исследовались хронология (ход событий и действий), фабула (риторическое соединение этих событий и действий при помощи литературных приемов, таких как метафора и интрига, для придания смысла, описания мотива и причинно-следственных связей) и перипетия (препятствия или внезапный поворот событий в сюжете) [23]; «сферы действия» или функции, определенное соотношение элементов (субъект/объект, отправитель/получатель, помощник/оппонент) [24]. У. Лабов выделял шесть элементов структуры нарратива, каждый из которых несет

определенную функциональную нагрузку [25]. Такое «структурное» исследование нарратива в правовых исследованиях способно нести полезную нагрузку. Рассказы – это средства осмысления происходящего, они повествуются с точки зрения определенного человека (или группы людей одной культуры) и представляют уникальную и подробную информацию о жизненном мире этого человека (или группы) и его толковании этого мира [26]. В рассказах могут отражаться неявные знания, которые способны заполнить пробелы между явными, кодифицированными и формальными знаниями (такими как должностные обязанности, руководящие принципы и протоколы) и неформальными, некодифицированными знаниями (т.е. неписанной истиной о том, как что-то делается в определенной организации или группе). Истории отдельных лиц вплетены в более широкие метанарративы, поэтому они создают возможности для изучения организаций, сообществ и культуры.

В последние десятилетия специалисты в области нарратива уделяют внимание не только самому акту повествования. Они стремятся изучить обстоятельства, при которых осуществляется рассказ и формируется история через взаимодействие между рассказчиком и слушателем/читателем (реальным или воображаемым). Поиск ответа на вопрос, «почему этот человек рассказал эту историю этой аудитории именно таким образом (или почему кто-то не рассказал историю в определенных условиях), может предоставить важную информацию, например, об общественных ограничениях, испытываемых уязвимыми группами населения в мире неравенства [27]. Таким образом, анализ нарративов может служить диагностическим, прогностическим целям и целям преобразования существующего положения. Н.В. Евстигнеева и О.А. Оберемко приводят в своей работе следующий пример диагностической функции нарративного исследования: в утреннем эфире «Первого канала» одной из регулярно повторяющихся тем являлась «финансовая культура населения». Вот образец такого тематического выпуска новостей: «Финансовая грамотность россиян находится в зачаточном состоянии. Когда социологи поинтересовались, какой финансовой услугой граждане собираются воспользоваться в ближайшие год-два, больше половины ответили, что – никакой. Во всем мире финансовые организации, в том числе банки люди воспринимают как структуры, помогающие сохранить и приумножить деньги. Россияне пока так не думают, по крайней мере, это показывают опросы. Примерно половина населения – 54 % – в ближайшее время не планирует воспользоваться какой-либо финансовой услугой» (02.08.07 Евтеев И. «Новости экономики». Первый канал). В этом отрывке авторы упомянутого исследования выделяют основных акторов, основные виды действий, что из чего следует и что на что влияет. Основные акторы тематической группы новостей: российское население, финансовые организации – особо выделим тут банки, социологи. Если проанализировать и другие выпуски новостей на эту тему, то к актерам добавится Министерство финансов, предлагающее потратить энные

суммы на просвещение населения относительно поведения в финансовой сфере. Или, грубо, «темное» российское население не несет деньги в банки в силу своей финансовой безграмотности, которую Министерство финансов решило искоренить, естественно, в интересах самого населения, что, разумеется, и оправдывает бюджетные траты. Конструируется некая образцовая нарративная структура со своими положительными и отрицательными персонажами, жертвами, помощниками и пр. [21].

Нарративная философия получила преломление и при анализе права.

Развитие философии права в XX в. свидетельствует об изменении вектора его восприятия учеными – на смену позитивистскому подходу (легизму), предполагающему анализ права как «приказания суверена», формального свода правил поведения, лишённого сущности и не отделённого от произвола, приходят теории, взгляды, рассматривающие право совсем с другой точки зрения. В этот период право начинает исследоваться не изолированно, не «внутри себя», а с позиции междисциплинарности, глубинного соотношения с правами человека, что обуславливает появление иных типов правопонимания. Так, именно в XX в. получили свое развитие психологическая (Л.И. Петражицкий) и социологическая концепции права (Ойген Эрлих); после Второй мировой войны возродился юснатурализм (Жак Маритен), сформировались экзистенциальная парадигма правовой реальности, экономика права и др. Общим для указанных течений была их тесная связь с философией, социологией, экономикой, психологией в осмыслении права как особого регулятора общественных отношений, в котором отражена не только и не столько воля законодателя, но сложная совокупность психологических, социологических и экономических процессов. Иными словами, в XX в. право стало рассматриваться как отражение взаимодействия множества явлений, не тождественных исключительно воле правотворца. Нарративная юриспруденция, зародившаяся в 60-е гг. XX в. в США, предполагала изучение права как «живого межличностного общения, овеществленного в форме повествования (рассказа)» [28]. Как отмечал один из основоположников нарративной юриспруденции Дж.Р. Элкинс, «мы создаем нарративную юриспруденцию, когда пытаемся увидеть и рассказать истории, происходящие в мире права» [29].

В рассматриваемом аспекте право представляет собой не статичное, аморфное образование, в духе легизма – свод предписаний, обязательных для исполнения, но сложное, выраженное в текстах различного уровня подвижное пространство функционирования общественного порядка. В этом пространстве – личном, местном, государственном, международном – право переплетается с иными регуляторами отношений – политическими закономерностями и интересами, экономическими законами, психологическими поведенческими моделями, моралью, религией, как влияя на них, так и примеряя на себя их влияние. Иными словами, истории о праве в различных аспектах представляют

собой жизнь права и выступают демонстрацией реального правового регулирования. Нарративный взгляд на юриспруденцию формирует абсолютно новый этап в развитии правовой методологии как таковой: нарратив встроен в право и жизненную практику, при этом «рассказанные истории не просто отражают социальный мир права, но и обуславливают формирование и развитие его смысла» [29].

Положительной стороной рассматриваемого метода исследования правовой реальности выступает возможность увидеть право во всем его многообразии и взаимодействии с иными сферами жизни общества, проявлениями личности, сформировать особенности его применения на определенной территории в рамках одного государства, предсказать развитие дальнейшее права, выявить его текстуальные несовершенства, вынужденно преодолеваемые правоприменителями.

Возможность применения нарративного подхода и нарративных методов при исследовании правоприменения

В отечественной юриспруденции потенциал использования нарративного подхода к исследованию явлений правовой действительности до конца не изучен и не раскрыт: «...долгое господство позитивистских подходов к праву и отсутствие опыта междисциплинарных исследований лишили отечественных специалистов возможности непредвзято изучать новую методологическую концепцию в момент ее зарождения» [28. С. 28]. Небольшое количество работ [30, 31], содержащих довольно поверхностный анализ теории нарративов, свидетельствует о ее недооцененности при проведении юридических исследований – встречающиеся подходы к «встраиванию» нарративов в систему подходов к правовым явлениям носят лишь очаговый характер. Так, под конституционным нарративом авторами понимается информационно-нормативная базисная единица, структурирующая определенный круг конституционных ценностей, принципов и норм в единую конституционно заданную идею [32]. Другие авторы отмечают, что право является нарративом, поскольку описывает события и поступки, которые должны иметь место, но на момент повествования не выступают частью реальности [33]. Что же до использования в правовых исследованиях нарративных методов, то этот вопрос в отечественной доктрине вообще не изучен, да и в зарубежной он тоже почти не поднимается.

Возможно, на наш взгляд, выделить две функции использования нарративных методов и подходов в правовых исследованиях:

1. Познавательная (эвристическая) функция проявляется в возможности выявить нарративы, определяющие правоприменение, исследовать их с точки зрения наличия в них структурных совпадений и расхождений, возможности выделения общего и частного, ложного и истинного, возможности выделения метанарративов, определения того, каким образом личные воззрения, подходы к трактовке правовых

явлений, пониманию «должного – недолжного» формируются и как они способны оказывать влияние на реальную правовую действительность. В дальнейшем на этой базе, соединяя нарративные подходы с использованием эмпирических методов изучения реального правоприменения – изучить механизм и особенности реального функционирования права в многообразии его проявлений, причины возникающих на практике дисфункций, расхождения между правовыми нормами и неформальными практиками, искаженного толкования правоприменителями действующих правовых норм, злоупотребления правом, противоречивого, ошибочного правоприменения при реализации правовых норм.

2. Прогностическая и преобразовательная функция дает возможность на основе использования нарративных методов, структурного анализа, количественных и качественных методов анализа собранных эмпирических данных выявить необходимость в реформировании правовых предписаний, предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения. Мы можем также изучать условия, события, благодаря которым конкретная история становится вирусной, начинает заимствоваться широким кругом участников либо предопределять их отношение к тем или иным явлениям, событиям, субъектам, предсказывать черты таких вирусных нарративов и их последствия.

Что можно рассматривать в качестве нарратива?

В американском праве в качестве нарратива часто рассматриваются истории двух противоборствующих сторон уголовного процесса – адвоката и прокурора, рассказываемые ими суду и присяжным с целью формирования у них определенного взгляда на произошедшее событие. В этом срезе, как отмечается в литературе, среди нарративных практик могут быть выделены следующие: анализ взаимосвязи между историями и правовой аргументацией; исследование различий между тем, как стороны судебного процесса, судьи, просто практикующие юристы или стороны правового спора формулируют и используют истории; изучение того, какие истории являются наиболее убедительными с позиции суда; анализ риторики судебных речей и решений [34]. Думается, что такой подход к нарративам в юриспруденции вполне применим. В самом деле, все, что делают стороны в суде, – рассказывают суду свои истории (истории представляемых ими лиц), делая это не только напрямую (с помощью слов и документов), но и с помощью умолчаний, действий, заявляя ходатайства об исследовании доказательств, их исключении, а также посредством допроса свидетелей. На основе их судебного поединка суд должен сформировать и рассказать потом в судебном решении свой вариант истории по делу. Рассказывают свои истории и следователи, дознаватели, свидетели, другие участники судопроизводства. Есть и такие истории, которые не рассказываются, но которые можно обнаружить и «вытащить»

в результате анализа материалов дела. Но кроме участников судопроизводства есть и другие субъекты, «рассказывающие» правовые нарративы и позволяющие им предопределять свое правовое поведение: законодатели, преподаватели и исследователи.

С учетом этого можно провести классификацию правовых нарративов:

1. *Личные нарративы*, характерные для конкретного лица, которые могут играть свою роль при правоприменении, в том числе при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

2. *Профессиональные нарративы*, характерные для определенных профессиональных сообществ (судей, в том числе различных ветвей судебной системы, прокуроров, адвокатов, следователей, инхаус-юристов, преподавателей права и т.д.

3. *Региональные нарративы* определенных сообществ, играющие роль, в том числе при правотворчестве и правоприменении в субъектах РФ и муниципалитетах. Примером регионального нарратива выступают, например, различные подходы судов, входящих в различные кассационные округа, свидетельствующие о различном понимании, трактовке ими правовых норм, квалификации спорных общественных отношений и т.д.

4. *Национальные нарративы*, существующие в пределах страны и оказывающие влияние на развитие законодательства, правоприменительной практики и т.д. В качестве примера можно привести нарративы Конституционного и Верховного судов РФ. В результате деятельности, осуществляемой указанными органами, формируется правовой контекст общественной реальности в области правоприменения и, частично, законотворчества.

5. *Международные нарративы*, которые оказывают существенное влияние на международно-правовое регулирование отношений в соответствующих сферах.

Источники информации о нарративах.

1. «Классический» источник информации для собирания и последующего анализа нарративных историй – это нарративное интервью. Безусловно, оно может быть использовано и при проведении правовых исследований. Однако есть некоторые особенности и потенциальные проблемы собирания нарративных историй в ходе нарративного интервью в правовых исследованиях.

Во-первых, при проведении нарративных исследований необходимо делать рациональный выбор между размером выборки нарративных историй, собираемых таким образом, и глубиной анализа. Большинство качественных опросов полуструктурированы (т.е. исследователь задает вопросы из специально составленного списка). Нарративное интервью (особенно когда просят рассказать историю жизни) следует проводить в виде беседы, руководствуясь любопытством исследователя, а не заранее подготовленным набором вопросов. Такие опросы, как правило, довольно длинные и требуют тщательного анализа. Соответственно, размер выборки в большинстве случаев небольшой (и, следовательно, в статистическом смысле непрезентативный).

Во-вторых, проводить нарративные интервью с профессиональными участниками судопроизводства (особенно с учетом уже изложенных их особенностей) очень непросто. Судьи и вслед за ними прокуроры стали очень «закрытыми» для интервью категориями в силу преобладающих нарративов об их необходимых профессиональных особенностях. Провести нарративное интервью со следователями, адвокатами немного легче, но и они также не всегда готовы участвовать в длительных интервью с исследователем, тем более когда конкретная цель такого интервью акторам не ясна и исследователем четко не оговорена. С учетом этого необходимо использовать и другие источники информации о личных нарративах.

2. Блоги, публикации, сообщения в соцсетях, интервью в СМИ, публикуемые имиджевые кейсы и т.д. Здесь есть свои проблемы получения достаточного и репрезентативного количества нарративных историй. Дело в том, что до последнего времени очень много нарративных историй об участии адвокатов в деятельности судебной системы и столкновениях их клиентов и их самих с реальным правоприменением, размещалось в запрещенных сегодня социальных сетях Facebook и Instagram. Другие используемые сейчас инструменты общения и позиционирования адвокатов пока не могут сравниться по «богатству» опубликованных материалов с этими сетями. Тем не менее все же имеются возможности сбора и анализа личных нарративов, размещаемых их субъектами в СМИ, соцсетях, специальных ресурсах (например, Право.ру) и сети Интернет.

3. Учитывая то, что личные нарративы влияют на принятие решений по конкретным делам судьями, должностными лицами органов исполнительной власти, другими властными субъектами, содержание личных нарративов можно «извлекать» из анализа массивов соответствующих решений. Например, анализ практики назначения судами уголовных наказаний за преступления по различным категориям дел (в рамках так называемой вилки санкции) может выступать свидетельством личного отношения судьи к совершенному преступлению, его субъективного подхода, сложившегося под влиянием определенных событий, жизненного опыта, личных качеств. Могут свидетельствовать о личных нарративах и материалы конкретных дел. Так, по уголовному делу по обвинению М. и Г. (архив Красноярского краевого суда, дело № 2-13/16), рассмотренному с участием присяжных заседателей, М. был удален председательствующим из зала суда в момент дачи им показаний до окончания прений сторон. До этого ему давались распоряжения председательствующего относительно недопустимости постановки перед свидетелями определенных вопросов. В обоснование своих распоряжений председательствующий заявил: «Если вы пытаетесь поставить под сомнение доказательства, которые представлены присяжным заседателям, то это недопустимо, так как присяжным заседателям представляются доказательства проверенные». Председательствующий неоднократно останавливал подсудимого, когда тот, отвечая на вопросы, описывал конкретные

обстоятельства, поведение других лиц, рассказывал о том, во что он был одет в день, в который, по версии обвинения, он совершил преступление, и т.д., поскольку, по мнению суда, он тем самым создавал у присяжных «предубеждение относительно себя», создавая «свой положительный образ». Постановление об удалении М. из зала суда было мотивировано, в частности, тем, что М. (давая показания в качестве подсудимого) «довел до присяжных заседателей не проверенную и не подлежащую оглашению... в их присутствии информацию о своем достатке и образе жизни, своей семье и детях, а также о том, что ранее он в суде никогда не был». Представляется, что такого рода высказывания, зафиксированные в протоколе судебного заседания, дают довольно много материала о нарративах, характерных для данного судьи.

4. Документы, в том числе: следственные и судебные документы, заявления, жалобы и ходатайства, принятые по ним решения, документы, «сопровождающие» процесс подготовки и принятия тех или иных законопроектов, результаты опросов общественного мнения, научные работы. Так, анализ постановлений судов по уголовным, гражданским, административным делам позволяет сформулировать закономерности развития судебной практики как по конкретной категории дел, так и в рамках одного региона, кассационного округа (региональный, национальный нарратив), выявить особенности регионального толкования законодательных положений, пробелы, коллизии, коррупциогенные факторы в правовых актах. В более широком смысле анализ практики судебных, следственных и иных органов, выраженной в принимаемых ими правовых актах, позволяет сделать выводы о действительной «работоспособности» правовых механизмов, определить перспективы и направления правотворчества. Основой для подобного изучения являются сайты правовой информации, судов, органов государственной власти и местного самоуправления и т.д.

5. Посещение судебных заседаний и наблюдение за их ходом. Посредством устного состязания сторон происходит реконструкция конфликта нарративными средствами. Во время судебного процесса дело проигрывается несколько раз, с позиций разных участников. Сюда же можно отнести и наблюдение за «антуражем», внутренним устройством и организацией работы судебных и иных правоприменительных органов. Например: «Несколько слов необходимо сказать о физическом пространстве и внутреннем декоре российских судов, так как они формируют представление о суде как месте отправления правосудия. Здания районных судов Санкт-Петербурга, в которых проводилось наблюдение, сильно различались и по размеру, и по способу организации внутреннего пространства. В некоторых судах ремонт был свежим, в других он не проводился на протяжении многих лет. Особенно сильно на восприятие суда влияло состояние коридоров, лестничных пролетов и уборных, так как они создавали первичное представление о суде. В одном суде на лестничной клетке висело объявление “Курить в здании запрещено. За это следует штраф в со-

ответствии с КоАП», при этом рядом стояла урна с пепельницей, на полу лежало несколько окурков, на стене были пятна от затушенных сигарет. Залы судебных заседаний также были разными: от совсем маленьких и тесных, с низкими потолками, в которых едва умещались основные участники процесса, до просторных и вместительных, с хорошей акустикой, высокими потолками, цветами на подоконниках и т.п. Тесные и душные залы судов вызывают ассоциации, связанные с пребыванием в российских государственных учреждениях, таких как поликлиника или паспортный стол, что развеивает идеализированное представление о том, в каких условиях должно осуществляться отправление правосудия» [35]. Думается, что такие наблюдения также позволяют выявить и сформулировать определенные нарративы, не декларируемые прямо, но довольно однозначно «считываемые» участниками судопроизводства.

6. Законопроекты, пояснительные записки и иные сопроводительные документы к ним. Так, ярким примером влияния нарратива на правотворчество является регулирование использования криптовалюты. В условиях множества историй как на мировой, так и национальной арене, связанных с мошенничеством, легализацией доходов, торговлей наркотиками с использованием криптовалюты, отечественный законодатель принял решение практически полностью запретить использование криптовалюты (цифровой валюты) в обороте на территории РФ. Это решение было выражено в принятии Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с положениями которого российские юридические и физические лица не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

7. Исследования корпоративной, торговой и иной практики. В качестве примера могут быть приведены обычаи, обыкновения, которые могут модифицироваться при изменении контекста их применения. Так, сложившийся нарратив доставки грузов на условиях FCA создавал трудности для продавцов при получении оплаты от банка, в котором открыт аккредитив. В этой связи в 2020 г. Международной торговой палатой были внесены изменения в ИНКОТЕРМС, которые решили эту проблему [36].

8. Научная литература, статьи, выступления исследователей, практиков на научных конференциях и иных публичных мероприятиях.

Источники информации о нарративах можно также классифицировать на:

а) неофициальные (интервью, блоги);

б) официализированные (жалобы на судебные решения, на действия, решения должностных лиц, жалобы в Конституционный Суд РФ, в ЕСПЧ). Такие документы, с одной стороны, излагают некую личную историю, должны «погружать» читателя в нее, давать

возможность для возникновения эмпатии. В то же время они обращены к официальным органам, а потому пишутся языком, приближенным к официальному;

в) официальные. Тексты судебных решений, приговоров, постановлений и т.д.;

г) «подразумеваемые». В данном случае речь идет о поиске в материалах дел нарративов, не отраженных в официальных документах (поиск историй, «стоящих за делом»).

Методы анализа и обработки собранных данных

1. Структурное и лингвистическое исследование нарративных историй. Исследование повторов сюжетов, исследование употребления слов, и т.д.

2. Исследование слов (и умолчаний) в официальных документах. Такое исследование может позволить на основе анализа текстов решений делать выводы о преобладающих нарративах, влияющих на принятие таких решений. Например, в 2016 г. широко распространялась новость о том, что объединенная команда специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов ИИ, который был способен предсказывать решения Европейского суда по правам человека с точностью в 79% после ознакомления с частью опубликованного решения. Данный алгоритм презентовался как алгоритм, способный предсказать судебное решение на основе анализа дела. Фактически же, насколько можно понять из описания эксперимента, ИИ анализировал не сами материалы дела (жалобу, решения национальных органов), а их описание, содержащееся в Постановлении ЕСПЧ. Таким образом, сам язык, которым описывались обстоятельства дела, давал ИИ, как правило, достаточно данных для того, чтобы предсказать итоговое решение [37]. То есть это история о том, что судьи в неявной, но «считываемой» форме отражают свое решение уже в первой его части – описывая тем или иным образом обстоятельства дела.

3. Направленное исследование нарративных историй в тех регионах, где повторяется практика, не соответствующая закону. Такие методы необходимы для того, чтобы попытаться понять, какие нарративы вызывают к жизни подобные нарушения.

4. Определение соотношения между собранным массивом нарративных историй и результатов статистической обработки изученных эмпирических материалов (результатов изучения материалов дел, судебных решений).

5. Анализ соотношения нарративных историй и законодательства, данных об организации судебной деятельности, с тем чтобы предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения.

Выводы

Все судоговорение, да и правоприменение в целом строится на открыто формулируемых или негласно поддерживаемых, но не артикулируемых позициях,

«историях», которые правоприменитель «рассказывает» прямо (в полемике, в мотивировке документа) или своей деятельностью. Без анализа этих историй, не принимая их во внимание, невозможно понять почему правоприменитель действует тем или иным образом.

Рассказываемые учеными и практиками правовые истории способны не только объяснить уже сложившееся правоприменение, но и создавать новую правоприменительную и правовую реальность. Нарративные истории далеко не всегда истинны, но даже не будучи таковыми, они могут оказаться движущей силой изменений в области создания новых норм и их применения.

Возможно выделить две функции использования нарративных методов и подходов в правовых исследованиях:

1. Познавательная функция, позволяющая изучить механизм и особенности реального функционирования права в многообразии его проявлений, причины возникающих на практике дисфункций, расхождения между правовыми нормами и неформальными практиками, искаженного толкования правоприменителями действующих правовых норм, злоупотребления правом, противоречивого, ошибочного правоприменения при реализации правовых норм.

2. Прогностическая и преобразовательная функция дает возможность выявить необходимость в реформировании правовых предписаний, предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения.

Можно провести классификацию правовых нарративов:

1) личные нарративы, характерные для конкретного лица;

2) профессиональные нарративы, характерные для определенных профессиональных сообществ;

3) региональные нарративы определенных территориальных сообществ;

4) национальные нарративы, существующие в пределах страны (нарративы Конституционного и Верховного судов РФ);

5) международные нарративы, которые оказывают существенное влияние на международно-правовое регулирование отношений в соответствующих сферах.

Источники информации о нарративах в сфере права:

1) нарративное интервью. Данный источник получения нормативных историй вряд ли в ближайшее время получит широкое распространение в отечественных правовых исследованиях в связи с «закрытостью» российской судебной системы;

2) блоги, публикации, сообщения в соцсетях, интервью в СМИ, публикуемые имиджевые кейсы и т.д.;

3) результаты анализа массивов судебных решений или материалов конкретных дел;

4) документы, в том числе следственные и судебные документы, заявления, жалобы и ходатайства, принятые по ним решения, документы, «сопровождающие» процесс подготовки и принятия тех или иных законопроектов, результаты опросов общественного мнения;

5) посещение судебных заседаний и наблюдение за их ходом, наблюдение за «антуражем», внутренним устройством и организацией работы судебных и иных правоприменительных органов;

6) законопроекты, пояснительные записки и иные сопроводительные документы к ним;

7) исследование корпоративной, торговой, иной практики, применения локальных норм;

8) научная литература, статьи, выступления на конференциях.

Источники информации о правовых нарративах можно классифицировать на:

а) неофициальные (интервью, блоги);

б) официализированные (жалобы на судебные решения, на действия, решения должностных лиц, жалобы в Конституционный Суд РФ, в ЕСПЧ);

в) официальные. Тексты судебных решений, приговоров, постановлений и т.д.;

г) «подразумеваемые». В данном случае речь идет о поиске в материалах дел нарративов, не отраженных в официальных документах (поиск историй, «стоящих за делом»).

Методы анализа и обработки собранных данных:

1. Структурное и лингвистическое исследование нарративных историй. Исследование повторов сюжетов, исследование употребления слов и т.д.

2. Исследование слов (и умолчаний) в официальных документах.

3. Направленное исследование нарративных историй в тех регионах, где повторяется практика, не соответствующая закону.

4. Определение соотношения между собранным массивом нарративных историй и результатов статистической обработки изученных эмпирических материалов (результатов изучения материалов дел, судебных решений).

5. Анализ соотношения нарративных историй и законодательства, данных об организации судебной деятельности с тем, чтобы предложить структурные, организационные, правовые средства, предназначенные для устранения выявленных проблем правоприменения.

Список источников

1. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе; некоторые итоги исследования // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 86–94.
2. Трубникова Т.В. Признание вещественным доказательством – новый вид меры принуждения? (по материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 49–55.
3. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 914–924.
4. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 194–200.

5. Возможности защиты в рамках нового УПК / под ред. Г.М. Резника, Е.Ю. Львовой. М., 2004. С. 52.
6. Куликов В. Какой спрос с эксперта. Следователей обяжут согласовывать с адвокатами вопросы для экспертизы // Российская газета – Федеральный выпуск. 2019. № 231 (7989).
7. Андреева Н. Экспертиза под контролем адвоката // Домашний адвокат. 2005. № 7 (315).
8. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие / под ред. Т.В. Трубниковой. Томск, 2015. С. 3–20.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».
10. Титаев К.Д. Qui custodiet, или Почему надо изучать юристов // Социология власти. 2016. Т. 28, № 3. С. 8.
11. Pipher M. Writing to change the world. New York : Riverhead Books. 2006. 272 p.
12. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 129–138.
13. Ильин И.П. Языковое обоснование «Я» в теориях постструктурализма и постмодернизма // «Я», субъект, «индивид» в парадигме современного языкознания : сб. науч.-аналитич. обзоров. М. : Рос. академия наук ; ИНИОН, 1992. С. 107–127.
14. Griffin L.J. Narrative: event-structure analysis and causal interpretation in historical sociology // American Journal of Sociology. 1993. V. 98, № 5. P. 1094–1133.
15. David Silverman. Doing Qualitative Research. SAGE Publications Ltd, 2017. 526 p. P. 124.
16. Franzosi R. Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554.
17. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.
18. Akerlof G.A, Snower D.J. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. Vol. 126. P. 58–71.
19. Akerlof G., Kranton R. Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being. 2010. 224 p.
20. Готлиб А.С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 9–14.
21. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Общество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.
22. Dawson J., Doll H., Fitzpatrick R., Jenkinson C., Carr A.J. The routine use of patient reported outcome measures in healthcare settings. BMJ. 2010. 340 p. P. 186.
23. McKeon R. The basic works of Aristotle. New York : Random House Modern Library, 2009. 1520 p.
24. Воробьева А.В. Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 3/4.
25. Ярская-Смирнова Е.С. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.
26. Mishler EG. The discourse of medicine: dialectics of medical interviews. Westport (CT) : Greenwood, 1984. 212 p.
27. Bakhtin M.M. The dialogic imagination: four essays. Houston (TX) : University of Texas Press, 2010. 480 p.
28. Назарова В.С. Нарративная юриспруденция как методологическая концепция в современной западной философии права и пространстве междисциплинарных практик // Философия права. 2015. № 6 (73). С. 25.
29. Элкинс Дж. П. В чем суть нарративной юриспруденции? // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6. С. 196.
30. Нарративы индивидуального подоходного налогообложения в XXI веке / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 295 с.
31. Право и нарративы / общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М. : Проспект, 2022. 128 с.
32. Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 41–46.
33. Толстых В.Л. Международное право как метанарратив // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 8–14.
34. Gewirtz P. Narrative and Rhetoric in the Law. Law’s Stories: Narrative and Rhetoric in the Law / P. Brooks, P. Gewirtz (ed.). New Haven, CT: Yale University Press, 1996. P. 3 (Цит. по: Соболева А.К., Рыбин А.И. Нарративы и риторическое повествование (prosthesis, narration): теоретические основы и практическое применение // Право и нарративы / общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М. : Проспект, 2022. С. 14).
35. Моисеева Е. Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа // Laboratorium. 2018. 10 (1). С. 29–50.
36. Чурилов А.Ю. Роль ИНКОТЕРМС® 2020 в регулировании международного оборота товаров с доставкой морским транспортом // Право и экономика. 2020. № 7 (389). С. 19–25.
37. Искусственный интеллект научили предсказывать судебные решения в делах по нарушению прав человека. URL: <http://habr.com/ru/post/398519/> (дата обращения: 10.10.2022).

References

1. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2017) Zloupotrebleniye pravom v ugovolnom protsesse; nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of law in criminal proceedings; some results of the study]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 4 (3). pp. 86–94.
2. Trubnikova, T.V. (2018) Priznanie veshchestvennykh dokazatel'stvom – novyy vid mery prinuzhdeniya? (po materialam izucheniya problem zloupotrebleniya pravom v ugovolnom protsesse) [Recognition as material evidence – a new type of coercive measure? (based on the study of the problems of abuse of law in criminal proceedings)]. *Zakony Rossii. Opyt, analiz, praktika*. 5. pp. 49–55.
3. Andreeva, O.I. et al. (2018) Zloupotrebleniye pravom, ego preduprezhdeniye i presecheniye v ugovolnom protsesse Rossii: nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of the right, its prevention and suppression in the criminal process of Russia: some results of the study]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 6 (12). pp. 914–924.
4. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2019) A Court’s Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 194–200. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/26
5. Reznik, G.M. & L’vovoy, E.Yu. (eds.) (2004) *Vozmozhnosti zashchity v ramkakh novogo UPK* [Possibilities of Protection Within the Framework of the New Code of Criminal Procedure]. Moscow: [s.n.].
6. Kulikov, V. (2019) Kakoy spros s eksperta. Sledovatelye obyazhut soglasovyvat’ s advokataми voprosy dlya ekspertizy [What is the demand from the expert. Investigators will be obliged to coordinate with lawyers issues for examination]. *Rossiyskaya gazeta – Federal’nyy vypusk*. 231 (7989).
7. Andreeva, N. (2005) Ekspertiza pod kontrolem advokata [Examination under the control of a lawyer]. *Domashniy advokat*. 7 (315).
8. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Dokazatel'stva i dokazyvaniye v ugovolnom protsesse Rossii* [Evidence and Proof in the Criminal Process of Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–20.
9. Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 “On Forensic Expertise in Criminal Cases”*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
10. Titaev, K.D. (2016) Qui custodiet, ili Pochemu nado izuchat’ yuristov [Qui custodiet, or why it is necessary to study lawyers]. *Sotsiologiya vlasti*. 3 (28).
11. Pipher, M. (2006) *Writing to Change the World*. New York: Riverhead Books.
12. Tompson, P. (1993) Istoriya zhizni i analiz sotsial’nykh izmeneniy [History of life and analysis of social changes]. *Voprosy sotsiologii*. 1. pp. 129–138.

13. Il'in, I.P. (1992) Yazykovoe obosnovanie "Ya" v teoriyakh poststrukturalizma i postmodernizma [Linguistic substantiation of "I" in the theories of poststructuralism and postmodernism]. In: "Ya", sub"ekt, "indiv" v paradigme sovremennogo yazykoznaniiya ["I", Subject, "Individual" in the Paradigm of Modern Linguistics]. Moscow: Ros. akademiya nauk ; INION. pp. 107–127.
14. Griffin, L.J. (1993) Narrative: event-structure analysis and causal interpretation in historical sociology. *American Journal of Sociology*. 5 (98). pp. 1094–1133.
15. Silverman, D. (2017) *Doing Qualitative Research*. SAGE Publications Ltd.
16. Franzosi, R. (1998) Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 517–554.
17. Trotsuk, I.V. (2004) Narrativ kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskii konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh [Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 1 (6). pp. 41–53.
18. Akerlof, G.A. & Snower, D.J. (2016) Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 126. pp. 58–71.
19. Akerlof, G. & Kranton, R. (2010) *Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton: Princeton University Press.
20. Gotlib, A.S. (2013) Analiz narrativov v sotsiologii: vozmozhnosti i problemy ispol'zovaniya [Analysis of narratives in sociology: opportunities and problems of use]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1. pp. 9–14.
21. Evstigneeva, N.V. & Oberemko, O.A. (2007) Modeli analiza narrativa [Models of Narrative Analysis]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravlenie*. 4. pp. 95–107.
22. Dawson, J. et al. (2010) The routine use of patient reported outcome measures in healthcare settings. *BMJ*.
23. McKeon, R. (2009) *The basic works of Aristotle*. New York: Random House Modern Library.
24. Vorob'eva, A.V. (1999) Tekst ili real'nost': poststrukturalizm v sotsiologii znaniya [Text or Reality: Poststructuralism in the Sociology of Knowledge]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3/4.
25. Yarskaya-Smirnova, E.S. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3.
26. Mishler, E.G. (1984) *The Discourse of Medicine: Dialectics of medical interviews*. Westport (CT): Greenwood.
27. Bakhtin, M.M. (2010) *The Dialogic Imagination: Four essays*. Houston, TX: University of Texas Press.
28. Nazarova, V.S. (2015) Narrativnaya yurisprudentsiya kak metodologicheskaya kontseptsiya v sovremennoy zapadnoy filosofii prava i prostranstve mezhdistsiplinarnykh praktik [Narrative jurisprudence as a methodological concept in modern Western philosophy of law and the space of interdisciplinary practices]. *Filosofiya prava*. 6 (73).
29. Elkins, J.R. (2011) V chem sut' narrativnoy yurisprudentsii? [What is the essence of narrative jurisprudence?]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 6.
30. Mayburov, I.A. & Ivanov, Yu.B. (eds.) (2021) *Narrativy individual'nogo podokhodnogo nalogooblozheniya v XXI veke* [Narratives of Individual Income Taxation in the 21st Century]. Moscow: YuNITI-DANA.
31. Denisenko, V.V., Soboleva, A.K. & Chestnova, I.L. (eds) (2022) *Pravo i narrativy* [Law and Narratives]. Moscow: Prospekt.
32. Umnova-Konyukhova, I.A. (2021) Pravo byt' chelovekom – fundamental'noe pravo i konstitutsionnyy narrativ v sisteme lichnykh prav i svobod v paradigme gumanizma [The right to be human is a fundamental right and a constitutional narrative in the system of personal rights and freedoms in the paradigm of humanism]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 41–46.
33. Tolstykh, V.L. (2013) Mezhdunarodnoe pravo kak metanarrativ [International law as a metanarrative]. *Rossiyskiy yuridicheskii zhurnal*. 3. pp. 8–14.
34. Gewirtz, P. (ed.) (1996) *Narrative and Rhetoric in the Law. Law's Stories: Narrative and Rhetoric in the Law*. New Haven, CT: Yale University Press. P. 3. Cited from: Soboleva, A.K. & Rybin, A.I. (2022) Narrativy i ritoricheskoe povestvovanie (prosthesis, narration): teoreticheskie osnovy i prakticheskoe primenenie [Narratives and rhetorical narration (prosthesis, narration): theoretical foundations and practical application]. In: Denisenko, V.V., Soboleva, A.K. & Chestnov, I.L. (eds) *Pravo i narrativy* [Law and Narratives]. Moscow: Prospekt.
35. Moiseeva, E. (2018) Vstat', sud idet! Sudebnyy protsess kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza [All rise! Litigation as an object of sociological analysis]. *Laboratorium*. 10 (1). pp. 29–50.
36. Churilov, A.Yu. (2020) Rol' INKOTERMS® 2020 v regulirovanii mezhdunarodnogo oborota tovarov s dostavkoy morskim transportom [The role of INCOTERMS® 2020 in regulating the international turnover of goods delivered by sea]. *Pravo i ekonomika*. 7 (389). pp. 19–25.
37. Habr. (2016) Iskusstvennyy intellekt nauchili predskazyvat' sudebnye resheniya v delakh po narusheniyu prav cheloveka [Artificial intelligence has been taught to predict court decisions in human rights cases]. *Habr*. 25 October. [Online] Available from: <http://habr.com/ru/post/398519/>. (Accessed: 10.10.2022).

Информация об авторах:

Гончарова В.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Иванов В.В. – канд. юрид. наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

Трубникова Т.В. – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: trubn@mail.ru

Чурилов А.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lefikantor@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

V.V. Ivanov, Cand. Sci. (Law), senior researcher, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

T.V. Trubnikova, associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

A.Yu. Churilov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lefikantor@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 10.10.2022;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*